

«Я С СОСЕДЯМИ СОВСЕМ НЕ ОБЩАЮСЬ...»: СОСЕДСТВО КАК РУТИННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Ольга Бредникова

Ольга Бредникова, Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург)*. Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. bred8@yandex.ru.

Публикация подготовлена в рамках проектов «The Layered Cake of Russian-Finnish Neighborliness: Everyday Interactions at Different Scales» (№ 80-36945) и «The Big Layered Cake: Towards the Conceptualization of Neighborliness» (№ 201805086), поддержанных Фондом Конне в 2016 и 2018 годах.

Современное соседство меняется. Оно становится более изолированным и деперсонализированным, практики взаимной помощи сворачиваются, а отношения оказываются скользкими и эмоционально невовлеченными. В фокусе эссе – повседневные рутинные взаимодействия соседей, благодаря которым создаются и поддерживаются социальные сети и связи живущих рядом друг с другом людей.

Личные взаимодействия в соседстве играют критическую роль: люди регулярно встречаются лицом к лицу в общих пространствах и вступают в интеракции в различных формах. Подавляющее большинство из них – случайные встречи или «пассивные контакты», реализующиеся в практиках взаимных приветствий и коротких разговоров. Такое взаимодействие носит ритуализированный характер. Взаимная помощь, которая практикуется между соседями, востребует небольшие усилия, и это – маленький вклад в поддержание устойчивости отношений.

В основе всех соседских отношений лежит граничная работа, которая позволяет балансировать между близостью и вовлеченностью, с одной стороны, и поддерживать дистанцию – с другой. Случаи вовлеченных отношений возможно интерпретировать как уходящую натуру, и они практикуются людьми с длительным стажем близкого сосуществования.

Исследование продемонстрировало существование нормативных моделей соседствования, регламентирующих отношения между людьми и включающих правила, конвенции, форматы взаимодействий и пр. Притом эти нормативные модели носят локальный характер и могут отличаться в разных соседствах. Такие модели подвижны, их устойчивость может быть подвергнута испытанию активностью новых соседей или тех, кого старая модель по тем или иным причинам перестает устраивать.

Исследование выстроено на интервью с жителями Санкт-Петербурга, дневниках соседских взаимодействий, а также автоэтнографии.

---

* По решению Минюста РФ, АНО «ЦНСИ» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Ключевые слова: соседи; рутинные взаимодействия; модели соседствования; практики приветствия; small talk; помощь; конфликты

Этот текст я решила облечь в форму эссе. Он вобрал в себя очень многое и уже не очень вмещался в рамки проведенного исследовательского проекта. Так, в качестве источников данных привлекались не только «традиционные» проблемно-ориентированные интервью, сфокусированные непосредственно на теме соседства. В копилку шли и нарративы интервью других исследовательских проектов, «случаи из жизни», рассказанные знакомыми, сообщения интернет-форума одного из районов Санкт-Петербурга, в реальности которого я иногда обитаю, интернет-мемы и так далее. Возможно, этот текст стал эссе еще и потому, что некоторые высказанные тезисы, несмотря на богатство используемого материала, остаются на уровне предположений и интуиций. К тому же текст получился отчасти о личном, пропущенным через собственный опыт. Дядя Вася и тетя Соня, учительница музыки Лайла Карловна с дядей Мишей, строгая Валерия Васильевна и Светка с Игорьком – мои ближайшие соседи, оставшиеся в далеком прошлом в маленьком городке советской Эстонии. Мы отмечали вместе праздники; папа и дядя Вася по субботам ходили в баню и вечерами пили по бутылке пива то у нас дома, то в соседней квартире; соседи регулярно угощали друг друга «вкусеньким»; а я, выходя к положенному часу к мусорной машине с помойным ведром, прежде должна была обойти всю площадку на нашем этаже и опросить соседей, не надо ли и им вынести мусор – таков был соседский этикет. Теперь я не знаю имен своих соседей. Я с трудом вспоминаю их лица и вряд ли узнаю за пределами подъезда. Иногда перед выходом, будучи уже на пороге, я слышу, как хлопает соседская дверь и чуть-чуть притормаживаю, дабы разминуться с соседями, объясняя себе это тем, что не хочу «толкаться» в подъезде, но в глубине души зная, что просто не хочу общаться. И нет-нет, я совсем не хочу возвращения в прошлое! Более того, мне даже трудно представить, чтобы с кем-нибудь из «нынешних» я бы стала обсуждать личные проблемы или пригласила на чай.

Такие драматичные изменения трех-четырёх десятилетий провоцируют вполне закономерные вопросы о том, что происходит с соседством сейчас. Правы ли те, кто считают, что близкое соседство уже в прошлом? По мнению исследователей, интенсивное соседство, характерное для традиционного общества с распространёнными практиками взаимопомощи, ранее было экономической необходимостью, как, например, для соседских сообществ рабочих Великобритании (Hoggart 1995). Во времена СССР укрепление соседских связей было связано не только с экономической рациональностью. В ситуации ведомственного распределения жилья через предприятия социальные роли зачастую пересекались и тем самым усиливали друг друга. Так, дядя Вася и дядя Миша работали вместе с моими родителями на одном предприятии, а Валерия Васильевна заведовала «пищевым блоком» детского сада, куда я и ходила вместе с Игорьком, с которым чуть позже мы вместе пошли в школу, где преподавала музыку Лайла Карловна. Все мы были не просто соседями, но пересекались еще в иных контекстах и ситуациях, что неизбежно делало наше соседство более тесным и связанным.

Безусловно, урбанизация и де-традиционализация начала прошлого столетия и последовавшая за этим индивидуализация изменили соседство, ослабили социальные связи между людьми, живущими рядом друг с другом (Howley, O'Neill, and Atkinson 2015:940). Кроме того, с развитием транспортных систем и новых коммуникативных технологий люди перестали быть заложниками локальности и уже практически не зависят от местных сетей. Однако это социальная картина мира, написанная «широкими мазками». Люди в своей повседневной жизни не все время ведут себя как «одиноким индивид» Ульриха Бека ([1986] 2000), избегающий стабильности и обязательств. Каждый день мы вступаем в коммуникации с не очень близкими, но тем не менее знакомыми нам людьми, – например, с коллегами или соседями. И такие коммуникации составляют большую часть нашей жизни (Kusenbach 2006:280).

Соседство – довольно традиционная тема антропологических и социологических исследований, которой посвящено множество публикаций. Как правило, тема соседства вписывается в поле community studies (исследования сообществ). Согласно Маргарет Кузенбах, определения сообщества, которые доминировали ранее и по сей день продолжают существовать, включают в себя три обязательных компонента: во-первых, общая территория; во-вторых, значимые социальные связи; и в-третьих – социальные взаимодействия (Kusenbach 2006:281). При этом, по ее мнению, социальные взаимодействия в исследованиях сообществ зачастую игнорируются, в то время как они чрезвычайно важны. Она пишет: «Определение сообщества как жанра социального поведения нуждается в микроанализе фрагментов и цепочек коллективного взаимодействия как мельчайших строительных блоков “ДНК” сообщества» (281). Я, вслед за Кузенбах, буду рассматривать соседство как социальную практику, поместив в фокус моего исследования повседневные рутинные взаимодействия соседей. Я полагаю, что такие взаимодействия и создают социальные сети и связи людей, живущих рядом друг с другом; эти взаимодействия, в итоге, и производят соседство как особый социальный феномен. В эссе будет представлен анализ эмпирического материала, в частности соседские номинации и знания соседей друг о друге, практики приветствия и коротких разговоров, а также соседская помощь и конфликты. В заключении работы я обозначу наиболее важные и перспективные темы в рамках исследований соседства.

«МОЗАИЧНАЯ» МЕТОДОЛОГИЯ

Зачастую кажется, что с открытием новой исследовательской темы буквально все вокруг начинает тебе напоминать о ней – случайно подслушанные где-то разговоры или рассказы друзей и знакомых, реклама в метро или арт-объект с выставки современного искусства, анекдоты или интернет-мемы, которые ежедневно подкидывают социальные сети, и так далее. Настроенный на определенную тему взгляд начинает выхватывать все, что так или иначе может пойти в копилку данных. Множество используемых источников востребует целый репертуар исследовательских методов, которые может предложить качественная методология. Такой широкий подход, я полагаю, как раз помогает раскрыть богатый эвристический

потенциал качественной социологии. Тем не менее, я постараюсь обозначить источниковую базу, на которую опиралось мое исследование.

Интервью. Всего было взято 17 проблемно-ориентированных интервью с жителями Санкт-Петербурга, в которых информанты рассказывали о своих соседях и взаимоотношениях с ними. Я постаралась максимально разнообразить выборку по самым разным параметрам, в частности разговаривала с жителями старых районов и новостроек; с теми, кто давно живет на одном месте и переехал недавно; с мужчинами и женщинами; с людьми разного возраста; с членами одной семьи, но разных поколений, и так далее. Отчасти такой подход можно обозначить как мультифокусное (multi-sited) исследование, ибо в разнообразии различных кейсов я не столько искала различия, сколько пыталась уловить общие тенденции, позволяющие говорить о феномене в общем (Marcus 1995).

Дневники. Информанты по моей просьбе в течение двух недель вели дневник общения с соседями. Я просила их записывать любые встречи или разговоры с соседями и даже незримое их присутствие – следы, по которым можно прочитать, что рядом находится сосед, будь это запахи, мусор и прочее. Я специально не задавала никакой формы для дневников, оставляя право выбора того, как фиксировать такие встречи, за информантами. Единственной просьбой было вести дневник ежедневно и вносить туда все пересечения с соседями. Всего было собрано 12 дневников. Это были электронные или написанные от руки в тетрадке короткие или развернутые записи с лаконичным или подробным описанием встречи и предмета разговора. Приведу пару примеров таких дневников:

15:40 неприятный сосед, который никогда не здоровается, стоял, курил и говорил по телефону. Я подошла и громко сказала: «Здравствуйте!». Он мне не ответил и спрятал руку с сигаретой за спину.

20:00 поздоровались с приятным соседом; когда я заходила в дом, я придержала ему дверь; он поблагодарил (женщина, 21 год, 21 апреля 2018 г.).

Вечером поднимался в квартиру, навстречу спускался Володя со своей собачкой. Укусила, тварь. Очень хотелось удавить. Сдержался. Володя долго извинялся и попросил стремянку до завтра. Дам, конечно, всегда друг друга выручаем. Собачка вот только не в тему... (мужчина, 54 года, 7 июля 2017 г.).

В результате были получены, на мой взгляд, очень информативные дневники, представляющие большую исследовательскую ценность. В них фиксировались рутинные взаимодействия с соседями, о которых, как правило, невозможно узнать в интервью. Кроме того, ценностью для меня стали разнообразные номинации соседей, которые использовали писатели дневников. Через них возможно реконструировать знания о соседях и их образы, оказывающиеся востребованными при соседской коммуникации.

Автоэтнография. Параллельно с информантами я сама вела дневник, который тематически получился несколько шире, чем рутинные взаимодействия с соседями. В нем я делала этнографические описания пространства – сцен, где разворачивались взаимодействия с соседями, – описывала события, которые там

происходили, собственные реакции, поступки, эмоции и прочее. Кроме этого, в своем дневнике я фиксировала темы обсуждений на соседском форуме, участником которого я являюсь. Польза автоэтнографии для меня в данном случае – как, впрочем, и в любом качественном исследовании – несомненна. Именно самонаблюдение и саморефлексия, а также исследовательские вопросы к собственным записям позволяют нащупать актуальный и в то же время неочевидный с первого взгляда исследовательский фокус.

По сути, разные методы ценны каждый в отдельности и дополняют друг друга. Но смысл в их сочетании. Наверное, в данном случае можно говорить о своего рода «мозаичной» методологии, когда понимание феномена, как пазл, складывается из разных подходов, источников и сюжетов, что отчасти приближает нас к созданию единой картины.

«СКАЖИ МНЕ, КТО...»: ЗНАНИЕ О СОСЕДЯХ И СОСЕДСКИЕ НОМИНАЦИИ

Несмотря на (казалось бы!) обыденность темы и тотальный опыт «быть соседом», который есть у всех нас, рекрутинг информантов для исследования сначала шел очень непросто. Большинство людей, кому я предлагала поговорить со мной на эту тему, отказывались, обосновывая тем, что они-де никого не знают и практически ни с кем не общаются. Сразу и с удовольствием соглашались те, для кого опыт соседства был травматичным, у кого были так называемые «соседи из ада» (Crow, Allan, and Summers 2002:133). Однако следует признать, что таких информантов в моем исследовании было совсем немного. Я полагаю, что изначальным отказом мои собеседники обозначали дистанцию между собой и соседями, демонстрировали свою невовлеченность в отношения такого рода и, возможно, некие этические максимы «невмешательства». Кроме того, обыденность практики делает ее малозаметной, практически не поддающейся рефлексии. Впоследствии информанты, которые все-таки согласились на интервью, сами удивлялись, как много они, оказывается, знают про соседей и даже общаются с ними. Осознать, что контакты с соседями все же есть, очень помогли дневники, в которых информанты фиксировали все случаи пересечения и любых взаимодействий.

Фраза «я не знаю своих соседей», по сути, означала отсутствие личного знакомства с соседями. Как показало исследование, о соседях не очень много, но все-таки знают. Незаметно, по крупницам и маленьким деталям, через регулярные столкновения в общем пространстве информация о них постепенно складывается в общую картину. И даже невидимое соприсутствие, проявляющее себя через звуки, запахи или какие-то материальные следы, выдающие присутствие человека рядом, дает представление о том, что за люди живут по соседству.

Прежде всего, соседей начинают узнавать, и речь в данном случае идет о «знакомых лицах». Важно, что «знакомыми» лица становятся в определенных контекстах – в интерьерах соседской сцены: в подъезде, лифте, на лестничной площадке, когда регулярно сталкиваешься с соседом, живущим с тобой «дверь в дверь». За пределами этих мест «знакомое лицо» теряется в пространстве тотальной аноним-

ности. Лишь регулярность встреч при повышении стажа соседствования позволяет запомнить людей и уже вынести это знание за пределы подъезда.

Знание о соседе предполагает его локализацию. Чаще всего описания соседей выглядят следующим образом: «Тамара Васильевна из седьмой», «молодая пара с последнего этажа», «моя соседка слева». Здесь мы видим, что для конструирования соседа необходимо его пространственное позиционирование, но в близких масштабах, – на расстоянии, позволяющем личному взаимодействию реализоваться. Авторы статьи о соседском взаимодействии при поисках потерявшегося кота (Laurier, Whyte, and Buckner 2002) заметили, что незнакомые друг с другом люди, инициируя коммуникацию (в данном случае – обращаясь к соседям за помощью в поиске животного), первым делом называют место, где живут («мы живем напротив вас»), и лишь потом представляются именем. Таким образом, в соседской коммуникации прочитывается важность пространственной близости: именно этот факт делает человека соседом. При этом личное знакомство – в частности, знание имени – менее важно и персонализация соседа уже вторична. Знание имен демонстрирует большую взаимную вовлеченность, интенсификацию соседства, которая может происходить как при заселении в новое жилье (Zaporozhets and Brednikova forthcoming), так и при длительном проживании рядом, когда растет число ситуаций, в которых приходится вступать в коммуникацию друг с другом.

Помимо знания о месте, где живет сосед, о нем также накапливаются наблюдения – кто живет, какой у него стиль и темпоральность жизни, особенности вещной среды, которую он создает и отчасти выносит за пределы частного пространства квартиры. В интервью рассказывали, как «прочитывают» соседей по машинам, состоянию двери, мусору, по службам доставки и прочее. Часть повседневной жизни выплескивается за пределы дверей собственной квартиры, становится заметной и очевидной окружающим. Базовое знание о соседях составляет набор основных социальных характеристик – пол, возраст, состав семьи и прочее: например, «девушка с бойфрендом», «пожилой мужчина», «старик со старухой», «молодая семья». Здесь можно заметить, что иногда соседи выступают как отдельные индивиды, иногда – в качестве коллективного агента, семьи.

Набор информации о живущих рядом людях может постепенно расширяться и дополняться. Как правило, между собой знакомы или по крайней мере узнают друг друга родители детей одного возраста, так как пересекаются еще и на детских площадках или в детском саду, а также собачники и автомобилисты. Знание о соседях может прийти извне, как, например, в случае Татьяны (51 год), которая несколько лет, по ее выражению, «рядом с Ольгой на коврике лежала» на занятиях по аэробике, пока они случайно не встретились в собственном подъезде и не выяснили, что являются соседями. Таким образом, знание о соседях вырастает, среди прочего, на основе разделяемых интересов. В этом случае взаимодействия людей более интенсивные, однако со временем – когда исчезают общие интересы и контексты – они могут угасать.

Расширенное знание о соседях чаще всего связано со стажем проживания и долгим сроком знакомства. В данном случае могут знать жизненную историю соседа, а отношения с ним становятся более персонализированными:

С 9 этажа тоже очень неблагополучная девочка. Сама эта девочка и наркома-нила, и нарожала двух детей от разных каких-то мигрантов, черненькие детки у нее. И какая-то она... она добрая невероятно! Жалко ее как-то (Люба, 76 лет, живет 34 года в доме советской застройки в окраинном районе города).

Однако в большинстве своем знание о соседях ограничено, при этом образ соседа достраивается, воображается. Вот что Андрей пишет в своем дневнике:

Сегодня поздно вечером курил на лестнице у открытого окна. Снизу поднимается негр. Молодой, поджарый. Живет на последнем этаже уже более месяца. Там молодые у нас живут, видно приютили парня по доброте (5 июля 2017 г.).

В данном случае информант, по сути, ничего не знает ни о встреченном в подъезде человеке, ни о «молодых» (только то, что они «молодые» и живут на шестом этаже). Однако вокруг встречи выросла целая история о «добрых молодых» и «бесприютном негре». Эта история помещает соседей в своего рода социальную матрицу, позиционирует и категоризирует их, что в итоге помогает выстраивать с ними отношения.

Зачастую соседи представлены как своего рода персонажи, а их описания предельно стереотипизированы. Они конструируются как растиражированные и понятные окружающим образы: например, «блокадница», «безобидный алкаш», «склочный старик», «тетя Оля – соседка в халате выходит кошек кормить» и так далее. Про последний образ информантка добавляет: «Она классическая, мне кажется, соседка» (Соня, 21 год), – что отлично демонстрирует восприятие и обозначение соседки как персонажа. Как показало исследование, в соседских взаимодействиях такая стереотипизация оказывается важна. Стереотипы необходимы для выстраивания успешной соседской коммуникации, облегчают взаимодействие, которое балансирует между близостью и вовлеченностью с одной стороны, и поддержанием дистанции – с другой. Люди что-то знают о соседе, но при этом персонаж практически не имеет личной истории и не требует личного вовлечения. В этом случае обобщенное, упрощенное и клишированное знание дает представление о том, какая модель коммуникации будет уместна. Так, «склочный старик» и «дедушка» порождают разные коммуникации с разной степенью вовлеченности и участия или избегания и дистанцирования.

Феномен соседства возможно реконструировать и понять через номинации и характеристики, которые используются при описании соседей. В данном исследовании важны, на мой взгляд, три вида номинаций. Первый связан с нормативным соседством. Довольно часто встречающиеся характеристики – «нормальные», «обыкновенные», «идеальные» соседи:

Я считаю, что мы *идеальные* соседи: мы тихие, мы ходим довольно бесшумно; у нас нету громкой музыки, мы ее всегда *нормально* включаем; мы не топчем, нету деревянных тапочек – у меня мягкие тапочки; не было пока ремонтных работ. Я хочу уже скорее что-нибудь отремонтировать, чтобы как-нибудь уже отомстить! (Даша, 46 лет, живет в районе Парнас в новостройке, стаж проживания – 5 лет).

Подобные характеристики соседей и себя говорят о том, что, очевидно, существует некая нормативная модель соседских отношений, соответствие которой делает соседей «нормальными», «обыкновенными», «идеальными» или ровно наоборот – «ненормальными» и «ужасными». В приведенном примере норма связывается со звуковыми границами и их нарушением. И даже если нормативная модель специально не проговаривается, ее возможно реконструировать в используемых номинациях и – в данном случае – через нарушение какой-либо неписанной или же формализованной (правило шумовых работ) нормы.

Второй вид соседских номинаций связан со стажем проживания. В нарративах интервью в описаниях соседей четко прочитывается деление соседей на «новеньких» и «старожилов». Татьяна рассказывает об опыте вселения в квартиру дома дореволюционной постройки одного из центральных районов Санкт-Петербурга (всего в подъезде 24 квартиры):

В основном тут были *старые* жильцы. То есть до меня здесь квартир практически не продавалось, не покупалось. Жильцы здесь жили давно. Соответственно, они уже как бы притертые между собой (51 год).

Данная категоризация, на мой взгляд, тоже важна с точки зрения нормативности соседства. «Притертые между собой» соседи воспроизводят уже устоявшуюся модель соседствования, и новички вынуждены либо встраиваться в нее, либо взламывать, внося свои правила и представления о совместном проживании рядом друг с другом.

Последний вид номинаций демонстрирует классовое измерение соседских отношений. Информанты активно использовали характеристики, которые напрямую не называют и не обозначают классовую принадлежность, но в которых подспудно прочитывается социальная позиция говорящего и того, кого он называет, а также социальная дистанция, которая воспроизводится между ними. «Приличные», «благополучные», «состоятельные», «интеллигентные» – довольно часто встречающиеся в интервью характеристики. И именно про этих соседей идет рассказ как о «хороших» или «правильных», с которыми поддерживаются какие-либо отношения. Очевидно, сюда же можно отнести и характеристики «приятный»/«неприятный» сосед, которые активно использовала Соня в своем дневнике – «неприятный» сосед курил и не здоровался. В список социально чуждых и далеких соседей входят «мигранты», «алкоголики и наркоманы», «гопота» и «обитатели коммуналок». Эта оптика демонстрирует перспективу неоднородной социальной среды соседей и раскрывает контексты, в которых выстраиваются соседские взаимодействия. Классовая близость или принадлежность к одному милье – в данном случае не столь принципиально, как мы это назовем, – оказываются важными в выстраивании границ и соседских солидарностей.

ТАКОЕ РАЗНОЕ «ЗДРАВСТВУЙТЕ»: РУТИННЫЕ СОСЕДСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одна из аналитических процедур, которые я проделала с полученным материалом – выписала все озвученные информантами соседские практики или, точнее говоря, глаголы, которые использовались при описании того, что мои собеседники делают

как соседи. Чаще всего в интервью и дневниках встречались следующие действия: знаколюсь/знаю, здороваюсь, общаюсь, разговариваю/болтаю, ругаюсь/скандалю, гоняю, противодействую, помогаю и пр. Эти же действия, зачастую, шли в связке с частицей «не» – не общаюсь, не болтаю, не ругаюсь и так далее, – что, на мой взгляд, говорит о том, что перечисленные практики являются ключевыми в соседстве, и вокруг них оно, собственно говоря, и разворачивается. Информанты выступали в качестве агентов, действующих и активных субъектов, которые вступают во взаимодействия (или не вступают, но по собственной воле). В свою очередь, соседи информантов тоже представлены как агенты, точнее контрагенты, ибо они: шумят, курят, фестивалют и дебоширят, становятся причиной нашествия тараканов, а также приходят собирать деньги и просят о помощи и т. д. Своими действиями они не только и не столько выступают инициаторами коммуникаций – зачастую они переступают границы приватности и тем самым выступают в качестве раздражающего фактора. И такие соседи-интервенты в нарративах интервью звучат много сильнее, в то время как «нормальные» и «хорошие» соседи, как правило, не проблематизированы и про них не так часто вспоминают. Они не взламывают существующий порядок, не нарушают никаких границ, и потому про них практически нет развернутых рефлексий. Здесь же стоит заметить, что я не рассматриваю коллективные действия, когда соседи представлялись в качестве солидаризированного «мы» – «мы собираемся», «жалуемся», «пишем письма», «боремся», «помогаем» и прочее, – что уже относится к сфере гражданского активизма. Меня в данном случае интересует все-таки иной предмет и масштаб – рутинные взаимодействия индивидуальных агентов.

На мой взгляд, перечисленные выше практики хорошо описывают поле пересечений соседней между собой и их взаимодействий. Маргарет Кузенбах, анализируя нормативные практики соседских интеракций, выделяет четыре вида взаимодействий, когда люди относятся друг к другу «как соседи»: дружеское признание, ограниченная помощь, активное вмешательство и принятие/оспаривание разнообразия (Kusenbach 2006:282). В данном случае исследовательница пишет скорее про качество соседских взаимоотношений, которые, по сути, можно расположить на некоей шкале вовлеченности в отношения друг с другом. Я предлагаю иную классификацию соседских взаимодействий. Отчасти она сопряжена и пересекается с типологией Кузенбах, однако мне представляется важным описать содержательную часть этих взаимодействий: понять, как и по какому поводу общаются соседи, и затем выйти на анализ этих взаимоотношений. Итак, далее, отталкиваясь от перечисленных выше действий соседней, я рассмотрю два вида взаимодействий – *поверхностные рутинные взаимодействия* (приветствия и короткие разговоры) и *вовлеченные коммуникации* (помощь или конфликты).

Несмотря на то, что новые коммуникационные технологии активно предлагают опосредованные формы взаимодействий (Hampton and Wellman 2003), и соседи активно пользуются такими возможностями (Чернышева и Гизатуллина 2021; Gromasheva 2021), я полагаю, что личные взаимодействия до сих пор играют в соседстве важную роль. Именно прямые личные контакты, которые рутинизированы и происходят довольно регулярно в силу близкого сосуществования, во многом производят соседство, придают ему определенную устойчивость. Информан-

ты, начиная свой рассказ о соседях, в первую очередь вспоминали тех, кто живет с ними поблизости, с кем их объединяет общая материальность, кого они регулярно встречают лично и с кем вынуждены вступать в различного рода взаимодействия, в то время как общение в соседских интернет-форумах воспринималось скорее как факультативный или дополнительный формат взаимодействий соседей. Разумеется, роль соседских форумов и чатов в конституировании соседства сегодня несомненна, однако участие в них по большей части добровольно. Эта цифровая инфраструктура позволяет избегать личного общения, анонимизироваться, в то время как личные взаимодействия в общих пространствах подъезда происходят вне зависимости от нашего желания. Иногда мне даже хочется написать про «обреченность» на соседство, потому как несмотря на различные техники дистанцирования и избегания, взаимодействия с соседями трудно избежать. К тому же соседей выбрать практически невозможно, ибо при покупке недвижимости заранее узнать их особенности удастся не всегда, да и соседи – далеко не первый пункт в критериях выбора недвижимости. Как сказал один информант, «соседи – это своего рода лотерея». Однако использование слова «обреченность» имеет отрицательные коннотации и, по сути, отказывает людям в агентности, что не есть правда, ибо современный сосед – субъект, который так или иначе управляет собственными действиями.

Итак, личные взаимодействия в соседстве играют критическую роль. Люди с изрядной долей регулярности встречаются лицом к лицу в общих пространствах и вступают в интеракции в различных формах. Подавляющее большинство таких взаимодействий – случайные встречи или «пассивные контакты». Я полагаю, что близкие и вовлеченные связи в современном соседстве не столь актуальны, и именно скользкое, мимолетное взаимодействие, которое происходит как бы между делом и реализуется в практиках взаимных приветствий и коротких разговоров, и есть основные соседские отношения.

Одна из центральных соседских практик, о которых говорили практически все информанты – это приветствие соседей. Простое «здравствуйте» – это не только и не столько про этикет. Оно наделено целым спектром социальных смыслов и значений. Практика приветствия – это «основа основ» соседского взаимодействия; с нее, собственно говоря, начинается соседство: «Ну как “общаемся”? Здороваемся обязательно. Здрате-здрате, до свидания» (Ольга, 46 лет, живет в старом доме одного из центральных районов города, в подъезде 24 квартиры).

Через приветствие воспроизводится сеть соседей, потому как обычно здороваются со «своими». При этом приветствуются не только личные знакомые. Здороваются и со «знакомыми лицами» – людьми, с которыми регулярно пересекаются в общих пространствах, например, в подъезде или лифте. Соседская практика приветствовать друг друга реализуется и необыкновенно важна именно в масштабах одного подъезда. За его пределами она теряет свою актуальность. Вне основной площадки здороваются лишь с хорошо знакомыми соседями. Простое «здравствуйте» может обозначать производство статусных диспозиций. На «своей» территории приветствие помогает переопределить опасную ситуацию: «Поздороваешься в подъезде с незнакомым – и уже не так страшно, кажется, что кто-то

свой» (Соня, 21 год). Татьяна Борисовна (72 года, живет в старом доме в одном из центральных районов города) рассказывала, что она, когда видит незнакомых в подъезде, обязательно поздоровается первой. Тем самым она обозначает свое исключительное право на это пространство.

Практика взаимного приветствия может выступать характеристикой сплоченности соседского сообщества. Жительница Парнаса – нового многоэтажного комплекса на окраине Санкт-Петербурга – говорила о том, что в подъезде, где в силу огромных масштабов пространства живут в основном не знакомые лично люди, очень важно здороваться, так как это создает «какую-то домашнюю атмосферу что ли» (Даша, 46 лет). Речь идет о практике здороваться как об обозначении социально гомогенного пространства, в котором комфортно и безопасно, где все «свои»:

У нас не здороваются, может быть, больше гопоты всякой, не знаю. А у Маринки [подруга] в комплексе уровень культуры, видимо, повыше – там действительно люди здороваются [...]. Хотя у них тоже большой дом, но нет такого муравейника. Они, видимо, воспринимают уже свое сообщество как более камерное и пытаются как-то вот хотя бы в каких-то таких проявлениях сделать свою среду более дружественной. У нас вот этого, к сожалению, нету (Даша, 46 лет).

Приветствие соседей, на мой взгляд, – настолько устоявшаяся практика, что она принимает уже ритуализированные формы. Так, один дневник общения с соседями меня действительно поразил. Буквально каждая запись о соседских встречах обрамлялась словами приветствия и прощания, они специально оговаривались, в то время как содержание разговоров фиксировалось довольно коротко. Приведу пример одной из таких записей:

Встретила Тамару из 7-ой.

– Добрый день!

– И вам здравствуйте!

Она пожаловалась на погоду и сказала, что у нее очень болит голова сегодня.

Я спросила, не знает ли она кого-то, кто делает уколы. Она сказала, что поспрашивает. Кажется, Света с третьего этажа.

– До свидания, не болей!

– До свидания. И тебе не хворать! (Тамара Петровна, 78 лет, 14 июля 2017 г., рукописный дневник, с. 7).

Это одна из многочисленных записей, которые сделаны по абсолютно одинаковой схеме. Слова приветствий и прощаний в них несколько варьируются, но неизменно сопровождают каждую из записей. Они настолько важны, что затмевают содержательную часть коммуникации.

Итак, приветствие – это прежде всего обозначение связи и близости, членства в соседском сообществе (Kusenbach 2006:289). Кроме того, в нашем случае «здравствуйте» – это демонстрация того факта, что ты дружелюбный сосед, открытый к коммуникации. Для приветствий в принципе важна симметричность, однако она не всегда работает: «Я здороваюсь всегда. Есть люди, которые со мной не

здороваются. Я каждый раз обещаю себе, что больше не буду с ними здороваться, но все равно здороваюсь...» (Соня, 21 год). Я полагаю, что в данном случае это не только и не столько простая вежливость или практика конституирования себя. В соседских коммуникациях приветствие – это производство дружелюбия, пример так называемого морального минимализма (Baumgartner 1988), в рамках которого люди поддерживают минимальные отношения, с одной стороны, не требующие больших затрат и усилий, с другой – имеющие потенциал когда-либо, при необходимости, развернуться, лечь в основу будущих солидарностей и взаимопомощи. «Здравствуйтесь» встроено в нормативную модель соседствования, которую Соня упорно воспроизводит. Для нее соседи – это не слишком близкие, но тем не менее «свои», с которыми она живет на одной территории и пытается поддерживать отношения, несмотря на нарушения конвенций другой стороной. При этом, возможно, отложенные бонусы и надежды на них не рефлексивны. Более того, необходимость в соседской помощи скорее всего не возникнет вовсе. Тем не менее, Соня продолжает воспроизводить центральную соседскую практику, «вшитую» в локальную модель соседствования, устойчивую, интериоризированную и удобную для информантки.

Существуют разные техники приветствия – от скупого кивка или улыбки до вопроса «Как дела?». Зачастую этот вопрос – приглашение к более развернутому общению, и участники взаимодействия притормаживают и перекидываются парой слов, а практика приветствия расширяется до практики коротких светских разговоров. Small talk – пожалуй не менее важное соседское взаимодействие, и информанты, рассказывая про общение с соседями, говорят также и о небольших диалогах. Безусловно, такие разговоры сейчас не столь распространены, как ранее. Пожилая петербурженка рассказывает:

Сейчас поменялось уже все... Раньше остановишься, поговоришь, расспросишь обо всем. О детях, внуках. Где был, что купил, как дела. [...] Сейчас и не поговоришь особо. Всем некогда. Только что дом вот наш разваливается... (Татьяна Борисовна, 72 года).

В цитате информантка говорит не только о свертывании практики, но и фиксирует изменения в тематике разговоров. В них исчезает личная вовлеченность и взаимопроникновение в жизнь друг друга, а объединяющей темой могут стать общие проблемы, такие как материальное состояние дома, проблемы с инфраструктурой и пр. Справедливости ради нужно отметить, что информантка не ностальгирует по прежним временам и отнюдь не сожалеет об изменениях, а лишь фиксирует их.

Ныне короткие беседы стали еще лаконичнее: «В принципе нет желания особого общения, потому что и так времени не хватает [...]. Я здороваюсь, бывает иногда перекинешься там парой слов. В принципе, это нормально. Но без *фанатизма*» (Даша, 46 лет), – что, на мой взгляд, отражает ритуализированный характер такого общения: важна форма, но не содержание. И несмотря на то, что таких разговоров немного, они практикуются. Прежде всего, разговаривают знакомые люди, про которых известно, что это точно соседи, с которыми уже неоднократно пересекались в общих пространствах. При этом не обязательно быть знакомым

лично, знать друг друга по именам. В данном случае практика приветствия расширяется до практики коротких бесед, в которых соседи активно демонстрируют дружелюбие. Интересно, что в отношении такого формата общения актуализируется понятие времени. Информанты обозначают эту практику через временные затраты. Так, Даша в приведенной выше цитате объясняет нежелание общаться через нехватку времени; Татьяна Борисовна несколько раз подчеркивает, что она *останавливается* для того, чтобы поговорить с соседями. Такое общение расценивается как своего рода инвестиция, требующая определенных вложений и, прежде всего, дефицитного ныне ресурса – времени.

Репертуар тем соседских разговоров не очень широкий. Один из механизмов поддержания дистанции с соседями – установление границ вокруг тем для разговоров. Поводом для общения зачастую выступают дети и домашние питомцы – какой бы некорректной эта связка ни казалась. Удивительным образом дети и животные выступают в качестве нейтральной темы, разговоры о них – легитимный повод для коммуникации и вежливой беседы¹. Говорят также о состоянии дома и инфраструктурных проблемах, делятся некой бытовой информацией, обсуждают локальные новости и соседей-нарушителей порядка и пр.

Обсуждаем, где был, что купил. Как дела. А вот дом-то трещит у нас. А вот эти продолжают курить... (Татьяна Борисовна, 72 года).

Зацепишься пока поднимаешься, можно что-то... – Что-то давно вас не видела. – А я, там, там была. Или еще сосед: «А я уезжал, там, за границу» (Ольга, 46 лет).

По мнению исследователей, такие разговоры нужны для того, чтобы представить друг другу важные факты о себе и выстроить необходимую социальную дистанцию (Laurier et al. 2002:349). Именно в *small talk* черпается информация друг о друге, о которой сказано выше. Несмотря на отсутствие явного личностного вовлечения, в последней цитате четко прочитывается взаимный мониторинг соседей – «кто где был». Важно не только и не столько место, куда ездил сосед (хотя в цитате оно оговаривается). Сам факт отсутствия соседей, похоже, вызывает некоторое беспокойство. Предполагаю, причины такого беспокойства могут быть связаны как с переживанием, не случилось ли чего, так и с опасением нарушения стабильности – например, обновления состава соседей и необходимостью выстраивать новые отношения.

Разговоры также формируют соседскую повестку дня (*agenda*), в рамках которой формулируются общие проблемы и ищутся пути их решения. Несмотря на мимолетность и поверхностность такой «болтовни», здесь индивидуальное становится коллективным: в разговорах «ни о чем» соседи не только узнают друг друга, но и совместно производят локальную модель соседствования, солидаризируются, формулируют коллективные интересы и прочее.

---

¹ Хотя могу предположить, что в связи с общими тенденциями усиления границ приватности, а также изменением концепции детства и формированием субъектности ребенка, дети скоро перестанут быть поводом *small talk*.

Общение в формате коротких переговоров чаще встречается в старых домах с длительной историей соседства, когда соседи давно знакомы и вовлечены в личные истории друг друга, где масштабы жилья не так велики, а анонимность сохранить непросто. При этом в новых домах соседские беседы не исчезают. Да, частота общения лицом к лицу снижается, а сами встречи становятся более короткими и дистанцированными, принимают откровенно ритуализированные формы. Однако в то же время они существуют, но как бы расслаиваются и отчасти могут переходить в новые форматы цифрового соседства (Чернышева и Гизатуллина 2021).

ВОВЛЕЧЕННЫЕ СОСЕДСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПОМОЩЬ И КОНФЛИКТЫ

Соседство проявляет себя не только через «поверхностные» рутинные взаимодействия, которые, безусловно, наиболее часты, но и в более вовлеченных и персонализированных отношениях, в частности, в практиках соседской помощи и конфликтах соседей между собой.

ПОМОЩЬ

Один из видов взаимодействий, обнаруженных Кузенбах при исследовании соседства, – это ограниченная помощь соседям (Kusenbach 2006:291), которая подразумевает мелкие, не требующие больших затрат и сильной вовлеченности, необременительные услуги друг другу, смысл которых отражается в ставшем идиомой выражении «соль занять». Практики такой взаимопомощи были очень распространены ранее, о чем я писала в самом начале статьи, вспоминая свое советское детство. Возможно, сейчас практики взаимной поддержки и помощи несколько меняют свой формат – например, дрейфуют в сторону шеринговой экономики (Gromasheva 2021), для которой пространственная близость и соседские отношения могут быть важны. Однако и в «традиционной» своей форме они так или иначе существуют, о чем мне рассказывали информанты в интервью. Среди практик взаимопомощи – полить цветы и покормить кота в момент отсутствия соседей, арендовать стулья, когда нагрянули гости, помочь поднять по лестнице тяжелые вещи. В данном случае важна пространственная близость и оперативность помощи – решение задачи «здесь и сейчас». Специализированные службы и сервисы, которые частично заменяют соседскую помощь, становятся все более востребованными, однако они не всегда доступны или не столь оперативны, в то время как соседи «под боком». При этом даже такая помощь не связана с лично вовлеченными отношениями – информанты практически всегда подчеркивали важность сохранения дистанции:

Когда они [соседи] пару раз уезжали в отпуск, оставляли мне ключ, потому что ее сестре далеко ездить, – и я ей поливала цветы, да. Она мне даже полотенчику из Египта за это привезла, желтенькое такое (Даша, 46 лет).

Затем информантка продолжает рассказ об отношениях с этими соседями: «Ну так... Мы, естественно, здороваемся, встречаемся, но никаких там... не переросло в дружбу...». Здесь Даша пытается подобрать верные слова для обозначения таких от-

ношений, и для нее рамкой референции в данном случае выступает дружба. В определении того, что такое соседство, информанты часто отталкиваются от понятия дружбы и, как правило, противопоставляют соседские и дружеские отношения. Однако, по мнению моей собеседницы, соседские отношения могут развиваться и даже «расти до дружбы», то есть становиться более близкими и лично вовлеченными. В то же время Даша рассказывала, что покупала квартиру в новостройке одновременно с друзьями. Квартиры расположены одна над другой, однако, в противовес изначальным ожиданиям, с друзьями общаться больше не стали. Они фактически не пересекаются в доме, лишь изредка и случайно встречаясь в лифте, а дружеские практики реализуются вне соседства. В стенах дома они общаются как соседи, не более того.

Описанные выше практики взаимопомощи соседей можно расценивать как реципрокность, ибо в их рамках производится «обмен дарами» – услугами. Подобная взаимность выступает формой обязательств, включающих людей в общие социальные системы, на основе которых вырастают социальные солидарности (Мосс 1996; Crow et al. 2002:139), что, среди прочего, формирует соседское сообщество. Соседи отдают «долг» сувенирами, такой же мелкой ответной услугой или даже расплачиваются деньгами. Мне представляется важным, что даже оплачиваемые услуги – например, инъекции, которые делает соседка-медсестра или работа соседа-сантехника – рассматриваются и номинируются именно как помощь: «Иногда сосед мне *помогает за деньги* с машиной. Иногда я ему что-то чиню – он платит» (Андрей, 54 года). Отчего-то в соседских контекстах такие взаимодействия не рассматриваются как рыночные, но помещаются в пространство морального. Я полагаю, что «помогая» друг другу за деньги, соседи таким образом управляют близостью и дистанцией в отношениях между собой. Современное соседство оказывается не столько про солидарность или, напротив, про отчуждение, сколько про балансировку между этими двумя полюсами.

В то же время отношения соседской помощи не совсем реципрокны, ибо они практически не включают в себя чувства долга и взаимной ответственности, от них легко отказываются или даже избегают. Я склонна рассматривать эти взаимодействия как дружелюбность, демонстрацию открытости и доверия. Такие соседские отношения – это, по сути, поддержание конвенции о невмешательстве в ситуации близкого сосуществования.

Для меня большим удивлением и даже своего рода открытием стал факт существования односторонней финансовой соседской помощи:

У Ирины, которая живет на пятом этаже, две девочки – Жена и Вероника, помладше Аси. Я им Асины вещички старые отдавала. Она вот пришла осенью и принесла нам кабачки, говорит: «Купи у меня кабачки». Я говорю: «Ты знаешь, у нас много кабачков своих выросло». А она говорит, что я не просто так кабачки продаю, я собираю деньги на куртку Веронике. И она ходила вот так продавала по этажам эти кабачки. Я отказалась, а потом мне так стало вдруг **стыдно!** Я на следующий день взяла эти триста рублей, говорю, слушай, извини пожалуйста, мне не нужны ни кабачки, ничего, просто возьми эти деньги [...]. Она говорит: «Да, да, спасибо». И взяла (Таня, 51 год, живет в старом доме в центральном районе).

В данном случае, как и в других примерах безвозмездной помощи соседям, последняя основана на определенных моральных принципах и обязательствах. По мнению исследователей, соседи вступают в отношения, которые, в числе прочего, завязаны на моральности (Hendley 2017). Однако для того, чтобы такая моральность «включилась», необходимо проникновение в личную историю соседа. Другой пример соседских отношений, выстроенных на моральных основаниях, – это отношение Любы к «неблагополучной девочке», которую «жалко» (Люба, 76 лет, см. цитату выше). Она четко воспроизвела образ «девочки» с подробностями ее личной жизни: «наркоманила», «нарожала от мигрантов». Пару раз в материалах я встретила практику заема денег, при этом заем не был взаимной поддержкой, люди не занимали деньги «друг у друга» – помощь была односторонней, патерналистской: деньги давали «нуждающимся». Конечно, эта практика реализовалась в ситуации давнего знакомства и продолжительного сосуществования рядом.

Представляется, что история Тани не только и не столько про реципрокность среди соседей. Это своего рода шефская помощь – фокусированная, однонаправленная, выстроенная на определенных моральных обязательствах. Для помогающего взаимностью здесь, скорее всего, может стать личностное конституирование себя, в то время как для получателя помощи соседство оказывается важным ресурсом. Реципиент реализует сценарий интенсивного соседства, активно используя соседские сети и связи. Именно Ирина в данном случае инициирует общение и приоткрывает свою частную жизнь. Согласно различным исследованиям, есть категории людей, более других нуждающихся в соседстве, и тех, кто, соответственно, выстраивает и активно поддерживает соседские связи, инвестирует в них. Интенсивное соседство способствует благополучию безработных, пенсионеров и других групп, для которых локальные социальные сети имеют большее значение (Howley et al. 2015), и мое исследование подтверждает этот тезис.

КОНФЛИКТЫ

В начале полевого исследования я, памятуя о весьма драматичных случаях из жизни знакомых и друзей, ожидала собрать яркие и выразительные нарративы про соседские конфликты. Однако таких историй оказалось совсем немного, что, возможно, связано с особенностями выборки. Тем не менее, я склонна интерпретировать этот факт общим снижением конфликтности среди соседей. Здесь я хотела бы описать два случая конфликтов, которые были не воспоминанием прошлого, но относительно недавними событиями, и которые, на мой взгляд, типичны и охватывают основные проблемы, возникающие между соседями.

Про первый конфликт с соседями рассказала Анна, которая недавно переехала в квартиру в старом доме:

Я ко всем приставала, чтобы не курили в подъезде, потому что дым-то идет к нам активно. [...] И с одним соседом я более-менее договорилась, а второй мужчина – он пенсионер, и он как-то агрессивно на это отреагировал сразу же. Он начал на меня прямо обзывать с претензиями, что мы, там, приехали, делали ремонт – ему было грязно [...]. И он пенсионер вообще, где хочет... ну то есть ему тяжело выходить, сложно физически – без лифта – выходить

курить. Вот. И в какой-то момент я не знаю, кто – может, это он, может УК, с которой я тоже воевала – не знаю, кто – у меня в какой-то момент появилось перед окном банка, заполненная бычками. Вот просто вот специально [...]. Там такое комьюнити все закрытое. Они еще такую фразу говорили, что «вы пришли в наш дом, а у нас есть свои правила, у этого дома свои правила (Анна, 32 года, живет в старом доме центрального района).

В данном случае важны два момента. Первый – существование локальных правил, с которыми столкнулась Анна. Соседские конвенции были выработаны ранее и уже устоялись, и Анне, которой мешал дым, пришлось их взламывать. Второй важный момент связан с тем, что Анна агентна в соседских отношениях: она переопределяет существующие правила и предлагает, точнее внедряет, свои. Переопределение правил происходит через прямое столкновение и противостояние с соседом.

В данном случае разлом проходит по линии «новичок» – «старожил», и это измерение в соседских отношениях оказалось актуальным. Информанты часто рассказывали про соседей как про «старичков» или «новичков». Стабильность соседских отношений, выработанные модели взаимодействия, известные правила – все это представляется ценностью:

Тут тихо, уже все устаканено. Потому что люди, которые и в подъезде, и в доме живут, – они здесь живут уже не первое десятилетие, некоторые уже и больше живут. И смены жильцов не происходит так активно. Хорошо! (Андрей, 54 года).

В то же время новички, которые сначала практикуют интенсивное соседство – знакомятся, активно вступают во взаимодействия, пытаются выстроить приемлемые отношения и так далее, – могут угрожать стабильности, стать причиной поломки прежних правил и конвенций, переопределять их и внедрять свои модели соседствования, что в итоге может стать причиной конфликта.

Второй конфликт, довольно традиционный, связан с нарушением режима тишины. Андрей (54 года) рассказал, что пару лет назад квартиру выше этажом арендовал молодой человек, и практически каждую ночь из этой квартиры доносились очень громкие звуки, в течение недели не дававшие спать. Далее информант рассказывает: «Одну ночь я взбесился, взял топор и пошел ломать дверь. Хоть так до него достучаться». Про само столкновение информант не рассказывал, но завершил рассказ тем, что «парень извинился и больше не шумел». Андрей выбрал крайне агрессивный способ выхода из конфликта. При этом он предпочел решать проблему индивидуально и напрямую – не стал обращаться ни к арендодателю, ни в полицию, не стал солидаризироваться с соседями. Я могу предположить, что такой экстремальный сценарий сейчас не слишком распространен, но, по мнению Андрея, он самый действенный.

В данном случае конфликт связан с нарушением границ приватности. Шум от соседей – пожалуй, наиболее частая проблема, которую озвучивали информанты; другие соседские интервенции встречаются гораздо реже. Мои собеседники оз-

вучивали целый список раздражающих звуков: от работающей дрели, плача ребенка или лая собаки до «деревянных башмачков детей» и «катания по полу металлических шаров»². Звук запросто пересекает частные границы, а выстроить кордон для него – трудно. Как показало мое исследование, именно нарушение границ чаще всего перерастает в конфликты. Соседство оказывается потенциально конфликтной средой в связи с близким сосуществованием чужих друг другу людей и общей материальностью – стенами, потолками/полами, трубами и прочим, – и в данных условиях частные границы могут довольно легко нарушаться даже непреднамеренно. Тем не менее, чаще всего это воспринимается как интервенция, что, очевидно, демонстрирует значимость и закрытость приватной жизни, ценность дома в его материальном и концептуальном воплощениях.

Решение соседями острых проблем между собой не всегда приводит к открытым столкновениям. В большинстве своем люди предпочитают избегать прямых конфликтов. Приведу цитату из моего дневника:

Суббота, около шести часов вечера. Мое семейство дома, все расплзлись по своим комнатам. В какой-то момент я проходила по коридору мимо входной двери и увидела на полу кусочек бумаги. Это оказалась записка со следующим содержанием: «Многоуважаемые! Заливаете почти каждый день! Займитесь этим вопросом, please!». Я очень удивилась, так как все были дома, и никто не слышал, чтобы кто-то стучал-звонил. Кто, как и когда просунул эту записку под входную дверь – неизвестно. Очевидно, это были соседи снизу. Но вообще все довольно странно. Фактически это же экстренная ситуация, и почему они не сообщили о проблеме лично? Чего-то боятся? Не хотят общаться? Совсем не понятно... (апрель 2018 г.).

Для решения потенциально конфликтной ситуации соседи из квартиры, расположенной этажом ниже, решили не вступать в прямое взаимодействие, но выбрали иной, опосредованный и анонимизированный, способ коммуникации – эпистолярный жанр³. Очевидно, прямое столкновение расценивается как тяжелое бремя, требующее временных, эмоциональных и прочих усилий и вложений. Можно предположить, что в современном соседстве появляется (и будет появляться далее) все больше посредников, среди которых – технологии, специальные службы и институции. В качестве таких посредников соседских отношений могут выступать представители управляющей домом компании, а также страховые агенты

---

² Кстати, последний – самый загадочный для меня, ибо про него говорили несколько разных источников, в то время как объяснить происхождение звука кажется невозможным. В интернете есть информация, что такие звуки вызваны воздействием перепадов температур на железобетонные перекрытия и стены домов, однако мои собеседники, упоминавшие этот звук, склонны скорее обвинять соседей или мистифицировать ситуацию.

³ Этот жанр получает все большее распространение, о чем свидетельствуют появившиеся не так давно в общих пространствах домов доски объявлений, которые используются не только управляющими компаниями, но и самими соседями для общения между собой. Кстати, анекдоты про соседей сейчас активно вытесняются смешными объявлениями и записками соседей, которые со временем превращаются в интернет-мемы.

в случае ущерба, причиненного соседями, или полиция, которую зачастую привлекают в конфликтных ситуациях. Здесь важно, что многие проблемы решаются не через личное общение, а путем привлечения третьих лиц, что увеличивает число агентов, действующих в этом поле, и делает соседские отношения все более депersonализованными, опосредованными и дистанцированными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение работы я постараюсь собрать воедино все тезисы, рассредоточенные по тексту, и расставить акценты которые, на мой взгляд, актуальны для понимания феномена. Кроме того, я бы хотела обозначить некоторые интересные и перспективные темы дальнейших исследований соседства, поскольку, как это обычно бывает, исследование затягивает и завершение одного исследовательского проекта открывает горизонты, манящие новыми поворотами и перспективами.

Фактически все исследование меня сопровождала поговорка о том, что «хорошие стены делают хороших соседей». Кстати, у этой английской (а по другим версиям американской) поговорки есть и русские аналоги, подчеркивающие важность материализованных границ в соседстве (Рягузова 2017). Большинство посвященных теме интернет-мемов и карикатур обозначают соседей через стены и заборы, которые разделяют и в то же время создают единую композицию, фреймируют соседство. И действительно, современное соседство – это во многом про создание и поддержание границ (Merry 1993). Такие границы создаются для сохранения собственной приватности при близком сосуществовании с соседями – чужими, в общем-то, людьми. В своем исследовании соседства Мэри Баумгартнер (Baumgartner 1988) описывает моральную ценность избегания соседей при поддержании внешней доброжелательности. При этом охрана границ требует определенных усилий, и исследователи выделяют различные техники граничной работы, в частности ограниченный круг тем для личных разговоров и определение нейтральных мест, где взаимодействие будет уместным и безболезненным (Crow et al. 2002). В качестве граничной работы можно рассматривать включение посредников в отношения между соседями и способы общения, позволяющие избегать непосредственных контактов. Я полагаю, что граничная работа лежит в основе большинства соседских практик, несмотря на их, казалось бы, солидаризирующий характер: приветствия, светские разговоры, мелкие услуги и т. д. Однако ритуализированность соседских взаимодействий и совсем небольшие усилия, вкладываемые во взаимную поддержку, говорят скорее об обратном. Это лишь небольшой вклад в поддержание отношений, в их устойчивость. Соседские отношения оказываются доброжелательными, но отнюдь не дружескими (Laurier et al. 2002:357), и цель таких отношений – сохранить баланс между социальностью и дистанцированием.

В исследованиях соседства важна классовая перспектива (см., например: Тыканова и Тенишева 2020). Развитие рынка недвижимости в определенной степени способствует социальной гомогенизации жителей микрорайонов или отдельных домов, однако социальный состав соседей по-прежнему очень пестрый. Особенно

это справедливо для старых районов и домов Санкт-Петербурга, где дорогая недвижимость сосуществует рядом с коммуналками. Я полагаю, что для анализа соседских отношений в контексте социального и культурного разнообразия было бы полезно использовать концепцию *конвивиальности* (*conviviality*), в фокусе которой – процедуры устойчивого взаимодействия с инаковостью и разнообразием, вплетаемые в рутину жизни (Wise and Noble 2016:426). Важно, что данная концепция позволяет отойти от культурной, классовой и прочих бинарности и не сводить различия к воспроизводству властных диспозиций, потому как они не отражают сложность соприсутствия и сосуществования людей рядом друг с другом.

Несмотря на доминирование сценария «вежливого дистанцирования» в отношениях с соседями, встречаются и случаи более вовлеченных отношений. Последнее возможно интерпретировать как уходящую натуру, ибо они практикуются людьми с длительным стажем близкого сосуществования. Такие отношения реализуются как своего рода шефство – однонаправленная помощь. Можно предположить, что ранее соседские отношения рассматривались как взаимная ответственность, помещались в моральные контексты. Я полагаю, что в настоящее время моральность соседства не исчезает, но преобразуется: появляются новые виды и формы помощи, не требующие больших вложений и долгосрочных обязательств, приобретающие волонтерский характер и становящиеся практикой конституирования себя.

Одно из открытий в исследованиях соседства связывается с отказом от рассмотрения этого феномена в рамках дихотомии наличия/отсутствия сообщества и признанием факта, что возможны несколько стилей или моделей соседствования (Crow et al. 2002:129). Мое исследование продемонстрировало существование нормативных моделей соседствования, регламентирующих отношения между соседями и включающих правила, конвенции, форматы взаимодействий и пр. При этом такие нормативные модели носят локальный характер и могут отличаться в разных соседствах. Эти модели подвижны, и их устойчивость может быть подвергнута испытанию активностью новых соседей или тех, кого старая модель по тем или иным причинам перестает устраивать. Люди могут практиковать различные формы коммуникации и модели соседствования в отношении разных соседей, менять их с течением времени в связи с изменениями социального статуса или биографической ситуации и так далее. Вероятно, для анализа соседской активности стоит применять интерсекциональный подход, с тем чтобы выявить комбинации социальных факторов и социальных характеристик агентов.

Стратегии избегания прямых взаимодействий вовлекают в соседские отношения все больше посредников. Современные соседи существуют в широкой сети, включающей в себя не только непосредственных соседей, но и других агентов, среди которых представители девелоперских, управляющих и страховых компаний, технологии и инфраструктуры – скажем, стены и батареи, вокруг которых не только вырастают взаимодействия, но и которые сами становятся активными участниками этих взаимодействий. В этой связи, очевидно, соседство плодотворно рассматривать из перспективы акторно-сетевой теории Бруно Латура ([2014] 2020), где в качестве актанта вполне может выступить пресловутая труба – героиня многих нарративов, – протечки которой оказываются в центре соседских взаимоотношений и фактически формируют их.

И наконец, возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу об изменениях в соседстве, следует признать, что соседство безусловно меняется. Оно становится более изолированным и деперсонализированным, а отношения оказываются скользкими и эмоционально невовлеченными. Соседи превращаются в персонажей, и ныне дядя Вася стал бы, скажем, «склочным стариком», а Лайла Карловна с дядей Мишей превратились бы в «молодую пару хипстеров». Однако соседские связи так или иначе существуют. Избежать соседства невозможно, и рутинные взаимодействия, в которые вступают люди, живущие рядом друг с другом, хорошо демонстрируют это. В то же время такие взаимодействия составляют большую часть повседневной жизни людей, и именно в этих масштабах возможно уловить современные формы социальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек, Ульрих. [1986] 2000. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Латур, Бруно. [2014] 2020. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мосс, Марсель. 1996. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: Наука.
- Рягузова, Елена. 2017. «Социокультурные коды и психологические границы соседства». *Известия Саратовского университета* (17)1:89–94. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94>.
- Тыканова, Елена и Ксения Тенишева. 2020. «В плену “эффекта соседства”: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах». *Журнал социологии и социальной антропологии* 23(2):7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.
- Чернышева, Любовь и Эльвира Гизатуллина. 2021. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт-Петербурга». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 13(2):39–71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>.
- Baumgartner, M. P. 1988. *The Moral Order of a Suburb*. New York: Oxford University Press.
- Crow, Graham, Graham Allan, and Marcia Summers. 2002. “Neither Busybodies nor Nobodies: Managing Proximity and Distance in Neighbourly Relations.” *Sociology* 36(1):127–145. <https://doi.org/10.1177%2F0038038502036001007>.
- Gromasheva, Olga. 2021. “Hybrid Neighbourness in Action: The Case of Kudrovo, Russia.” *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 13(2):13–38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>.
- Hampton, Keith, and Barry Wellman. 2003. “Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb.” *City & Community* 2(4):277–311. <https://doi.org/10.1046/j.1535-6841.2003.00057.x>.
- Hendley, Kathryn. 2017. *Everyday Law in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hoggart, Richard. 1995. *The Way We Live Now*. London: Pimlico.
- Howley, Peter, Stephen O’Neill, and Rowland Atkinson. 2015. “Who Needs Good Neighbors?” *Environment and Planning A: Economy and Space* 47(4):939–956. <https://doi.org/10.1068%2Fa140214p>.
- Kusenbach, Margarethe. 2006. “Patterns of Neighboring: Practicing Community in the Parochial Realm.” *Symbolic Interaction* 29(3):279–306. <https://doi.org/10.1525/si.2006.29.3.279>.
- Laurier, Eric, Angus Whyte, and Kathy Buckner. 2002. “Neighbouring as an Occasioned Activity: ‘Finding a Lost Cat.’” *Space and Culture* 5(4):346–367. <https://doi.org/10.1177%2F1206331202005004003>.
- Marcus, George. 1995. “Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography.” *Annual Review of Anthropology* 24:95–117. <https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.000523>.

- Merry, Sally Engle. 1993. "Mending Walls and Building Fences: Constructing the Private Neighborhood." *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 25(33):71–90. <https://doi.org/10.1080/07329113.1993.10756443>.
- Wise, Amanda, and Greg Noble. 2016. "Convivialities: An Orientation." *Journal of Intercultural Studies* 37(5):423–431. <https://doi.org/10.1080/07256868.2016.1213786>.
- Zaporozhets, Oksana, and Olga Brednikova. Forthcoming. "New Neighbours in New Urban Districts in Russian Big Cities: Constructing Scenarios of Neighbouring." In *Neighbours around the World: An International Look at the People Next Door*, ed. by Lynda Cheshire. Bingley, UK: Emerald Group Publishing.

” DON'T COMMUNICATE WITH MY NEIGHBORS AT ALL”: NEIGHBORING AS A ROUTINE INTERACTION

Olga Brednikova

Olga Brednikova, Centre for Independent Social Research (Saint Petersburg, Russia).^{*} Address for correspondence: CISR, PO Box 193, Saint Petersburg, 191040, Russia. bred8@yandex.ru.

Contemporary neighboring is changing: it is becoming more isolated and depersonalized; the practices of mutual assistance are decreasing in number while the relations among neighbors become emotionally uninvolved. The focus of this essay is on neighbors' everyday routine interactions, as a result of which people who live in close proximity to each other can initiate and maintain social connections and networks.

Personal interactions play a crucial role in neighboring as people regularly see each other face-to-face in shared spaces and engage in different forms of interactions. The majority of such interactions are accidental meetings or "passive contacts." Mutual help and assistance, practiced among neighbors, necessitate making an effort, and this is a small contribution to maintaining stable neighborly relationships.

At the foundation of neighbors' relations lies constant work with boundaries, which enables to maintain the balance between, on the one hand, closeness and involvement and, on the other hand, distance. The cases of involved relations can be interpreted as something that is about to become a thing of the past, as such relations are mostly practiced by people who have been living close to each other for a long time.

This study demonstrates the existence of normative models of neighboring, which include rules, conventions, interaction formats, and so on that regulate the relationships among neighbors. At the same time, such normative models have a localized nature and can vary in different neighboring contexts. Such models are flexible; their stability can be challenged by the activity of new neighbors or those who, for one reason or another, stop being content with the old model.

^{*} By decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the autonomous nonprofit organization Centre for Independent Social Research (CISR) has been included in the registry of nonprofit organizations performing the functions of a foreign agent (Federal Law No. 7-FZ "On Nonprofit Organizations").

The research is based on interviews with residents of Saint Petersburg, diaries of neighbor interactions, and autoethnography.

Keywords: Neighbors; Routine Interactions; Models of Neighboring; Greeting Practices; Small Talk; Assistance; Conflicts

REFERENCES

- Baumgartner, M. P. 1988. *The Moral Order of a Suburb*. New York: Oxford University Press.
- Beck, Ulrich. [1986] 2000. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu*. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Chernysheva, Liubov, and Elvira Gizatullina. 2021. "'VKontakte' s sosediami: Cherty i praktiki gibridnogo sosledstvovaniia v bol'shom zhilom komplekse Sankt-Peterburga." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 13(2):39–71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71>.
- Crow, Graham, Graham Allan, and Marcia Summers. 2002. "Neither Busybodies nor Nobodies: Managing Proximity and Distance in Neighbourly Relations." *Sociology* 36(1):127–145. <https://doi.org/10.1177%2F0038038502036001007>.
- Gromasheva, Olga. 2021. "Hybrid Neighborness in Action: The Case of Kudrovo, Russia." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 13(2):13–38. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-13-38>.
- Hampton, Keith, and Barry Wellman. 2003. "Neighboring in Netville: How the Internet Supports Community and Social Capital in a Wired Suburb." *City & Community* 2(4):277–311. <https://doi.org/10.1046/j.1535-6841.2003.00057.x>.
- Hendley, Kathryn. 2017. *Everyday Law in Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hoggart, Richard. 1995. *The Way We Live Now*. London: Pimlico.
- Howley, Peter, Stephen O'Neill, and Rowland Atkinson. 2015. "Who Needs Good Neighbors?" *Environment and Planning A: Economy and Space* 47(4):939–956. <https://doi.org/10.1068%2Fa140214p>.
- Kusenbach, Margarethe. 2006. "Patterns of Neighboring: Practicing Community in the Parochial Realm." *Symbolic Interaction* 29(3):279–306. <https://doi.org/10.1525/si.2006.29.3.279>.
- Latour, Bruno. 2020. *Peresborka sotsial'nogo: Vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu*. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Laurier, Eric, Angus Whyte, and Kathy Buckner. 2002. "Neighbouring as an Occasioned Activity: 'Finding a Lost Cat.'" *Space and Culture* 5(4):346–367. <https://doi.org/10.1177%2F1206331202005004003>.
- Marcus, George. 1995. "Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography." *Annual Review of Anthropology* 24:95–117. <https://doi.org/10.1146/annurev.an.24.100195.000523>.
- Mauss, Marcel. 1996. *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: Nauka.
- Merry, Sally Engle. 1993. "Mending Walls and Building Fences: Constructing the Private Neighborhood." *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 25(33):71–90. <https://doi.org/10.1080/07329113.1993.10756443>.
- Ryaguzova, Elena. 2017. "Sotsiokul'turnye kody i psikhologicheskie granitsy sosedstva." *Izvestiia Saratovskogo universiteta* 17(1):89–94. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94>.
- Tykanova, Elena, and Ksenia Tenisheva. 2020. "V plenu 'effekta sosedstva': Sotsial'nyi kapital i aktivizm v novykh anklavnykh zhilishchnykh kompleksakh." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 23(2):7–35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.
- Wise, Amanda, and Greg Noble. 2016. "Convivialities: An Orientation." *Journal of Intercultural Studies* 37(5):423–431. <https://doi.org/10.1080/07256868.2016.1213786>.
- Zaporozhets, Oksana, and Olga Brednikova. Forthcoming. "New Neighbours in New Urban Districts in Russian Big Cities: Constructing Scenarios of Neighbouring." In *Neighbours around the World: An International Look at the People Next Door*, ed. by Lynda Cheshire. Bingley, UK: Emerald Group Publishing.